

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. *Ленские писаницы (Наскальные рисунки у деревни Шишкино)*. М.—Л., 1959, 199 стр.

Недавно вышел в свет труд А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской, посвященный публикации и исследованию одного из самых выдающихся по своему значению памятников археологии Сибири — наскальным изображениям у дер. Шишкино на Лене¹.

Рецензируемая книга, привлекающая внимание широкого круга специалистов — археологов, этнографов, историков-сибиреведов, состоит из небольшого предисловия и трех основных разделов, посвященных истории изучения шишкинских наскальных изображений, описанию и публикации наскальных рисунков по объектам, интерпретации и датировке памятников. В приложении публикуются графические таблицы, выполненные В. Д. Запорожской, одним из соавторов книги и участницей многих экспедиций, проводившихся под руководством А. П. Окладникова.

Богатейшие комплексы, зафиксированные на шишкинских скалах, распадаются, согласно классификации А. П. Окладникова, на следующие основные группы: палеолитические рисунки (древнейшая группа); изображения времени неолита; петроглифы бронзового и раннего железного века; курыканские писаницы; и наконец, позднейшие писаницы, представляющие этнографическую современность.

Говоря о публикации объектов, следует заметить, что авторы поступили совершенно правильно, дав таблицы замечательных шишкинских изображений в последовательном порядке, не сводя их в определенные рамки каких-либо хронологических схем. Учитывая, что общие принципы датировки и классификация изображений, предлагаемые авторами, изложены в соответствующих разделах книги, такой принцип публикации памятников позволит любому специалисту, который будет пользоваться книгой, подойти к интерпретации рисунков со своих собственных позиций. Это даст возможность объективно сравнивать с шишкинскими материалами и те новые данные, которые неизбежно будут накапливаться при дальнейшем исследовании петроглифов Сибири и Центральной Азии.

Вопрос о датировке — наиболее сложный в исследовании любых наскальных рисунков. В рецензируемой книге применен правильный метод датировки, наскальных изображений по их стилю и смыслу путем сравнения с надежно датированными вещевыми сериями. Этот метод, одним из пионеров которого является А. П. Окладников², все чаще находит применение в современных исследованиях, посвященных петроглифам.

Особенно трудны для датировки, вне всякого сомнения, рисунки, относимые А. П. Окладниковым к палеолитическому времени. Пока при датировке этих рисунков возможны аналогии лишь с соответствующими ориньякскими памятниками (например Ла-Ферраса во Франции). Однако эти аналогии, хотя и проливающие свет на общие вопросы смыслового значения и обнаруживающие действительно поразительное сходство

¹ Небезынтересно отметить, что результаты публикации шишкинских писаниц вызвали оживленные отклики и в зарубежной прессе. Выдающееся значение исследования ленских писаниц отметил, например, известный шведский археолог К. А. Мoberg, опубликовавший рецензию на книгу А. П. Окладникова «Шишкинские писаницы (Памятник древней культуры Прибайкалья)», вышедшую в 1959 г. в Иркутске (см.: Carl-Axel Moberg, Hällbilderna vid Sjisjkino, «Cöteborgs handels-och sjöfarts-tidning», 12 декабря 1959 г.).

² См.: А. П. Окладников, О датировке Забайкальских писаниц (в связи с работами Бурят-Монгольской археологической экспедиции), «Зеп. Бурят-Монгольского научно-исслед. института культуры», вып. XVI, Улан-Удэ, 1952, стр. 57—62.

с шишкинскими памятниками, в то же время являются для датировки аргументами косвенного порядка. Поэтому важнейшее значение приобретает палеозоологическое определение животных, изображенных среди древнейших шишкинских комплексов. Особенно важна в этом отношении фигура быка-бизона. Как определил известный советский специалист по мамонтовой фауне В. Е. Гарутт, среди древнейших шишкинских рисунков изображен именно бизон, а не какое-либо другое животное (рис. 32, табл. XX, стр. 531). Таким образом, шишкинская фигура быка-бизона изображает представителя древней фауны Сибири, вымершего около 10 тыс. лет назад, т. е. именно в эпоху палеолита³. В то же время публикуемые А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской изображения лошадей стилистически сходны с фигурой быка-бизона. Последнее обстоятельство в сочетании с несомненно палеолитическим возрастом бизона полностью подтверждает правомерность предлагаемой А. П. Окладниковым датировки этих памятников палеолитическим временем.

Выделяемая А. П. Окладниковым неолитическая группа наскальных рисунков дает ряд крайне интересных в смысловом отношении объектов — фигуры животных (олени, лоси) и весьма сложные по своей семантике изображения антропоморфных существ. Очень важным представляется зафиксированное исследователями перекрывание неолитическими памятниками палеолитических объектов. Это весьма любопытный штрих, характеризующий «вживание» более молодых сюжетов в более древние.

Одну из самых интересных групп шишкинских писаниц, несомненно, представляют рисунки, оставленные курыканами (гулиганями китайских династийных хроник) — одним из наиболее многочисленных в древнетюркское время (VII—X вв. н. э.) племенных объединений, обитавших в Прибайкалье. Главный сюжет курыканских писаниц — изображение коней, всегда составлявших основное богатство курыканской знати. Помимо чисто художественной ценности — конные сцены поражают своей силой и экспрессией, — эти памятники представляют важный источник, иллюстрирующий культурные связи курыканов. В этом отношении особенно показательны изображения грив в виде зубцов — мотив, возникший в Центральной Азии, как предполагает О. Мэнчен-Хельфен, еще во второй половине I тысячелетия до н. э.⁴ и получивший впоследствии чрезвычайно широкое распространение от Китая до берегов Босфора.

Как документально свидетельствуют приводимые в книге данные китайских хроник, гони курыканов, столь живо изображенные на шишкинских писаницах, поставились даже китайскому двору, и не случайно китайский государственный деятель, полководец и дипломат — император Танской династии Тайцзун посвятил курыканским скакунам особую поэму.

Но связи курыкан вели, как об этом свидетельствуют шишкинские памятники, не только на юго-восток, в далекий Китай, но и к более близким соседям — енисейским кыргызам-хягасам. Концепция А. П. Окладникова о близости курыканских и хягасских наскальных изображений, в сочетании со свидетельствами памятников собственно Центральной Азии, дает основания для весьма важных заключений по истории древних историко-культурных связей.

Дело в том, что курыканские наскальные изображения и стилистически примыкающие к ним памятники среднего Енисея явно образуют особую культурную зону наскального искусства древнетюркской эпохи. В то же время в свете новейших исследований в Туве и Средней Азии можно утверждать, что на территориях, занятых некогда племенными объединениями, входившими в состав каганатов орхонских тюрков, бывали совершенно иные виды наскальных изображений. Реализм изображений, найденных на территориях курыкан и енисейских кыргызов-хягасов, петроглифам орхоно-алтайских тюрков не свойствен. К югу от Саян — в Туве, Монголии, а также на Южном Алтае, в Казахстане, Киргизии, в Фергане и Восточном Туркестане древнетюркские наскальные изображения представлены многочисленными, но в то же время весьма монотонными тамгообразными символами, часто «вписанными» в более ранние комплексы скифского и гунно-сарматского времени. Из сказанного видно, что изучение курыканских комплексов шишкинских скал дает возможность констатировать известную оторванность курыканской и хягасской групп от древнетюркских групп Центральной Азии, а это, в свою очередь, дает почву для важных выводов исторического порядка.

Интересен вопрос о сравнительно немногочисленных среди огромной массы шишкинских писаниц изображениях верблюда, публикуемых в книге А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской и датируемых курыканским временем. По мнению авторов, эти изображения следует связывать со скотоводством. Нам кажется возможным предложить еще одно объяснение этих рисунков. Дело в том, что на изображенных верблюдах нет выюков или седловки. Между тем разработка вопроса об изображениях верблюда, обнаруженных среди многих памятников Казахстана, Средней Азии, Монголии и Тувы,

³ Как любезно сообщил мне В. Е. Гарутт, анализы методом С-14, проведенные недавно американскими учеными, показывают, что в Сибири вымирание фауны, сопутствующей мамонту, произошло еще в палеолите, т. е. раньше, чем это считалось до сих пор.

⁴ Otto Maenschen-Helfen, *Crenelated Mane and scabbard Slide*, «Central Asiatic Journal», т. VIII, № 2, 1957, стр. 95—100.

позволила установить, что в большинстве случаев изображены дикие, а не домашние верблюды. Более того, в Центральной Азии пока известна лишь одна сцена (датируемая монгольским временем), безусловно показывающая домашних верблюдов (Тува, пункт Тева-Хая)⁵. Итак, какие же верблюды — домашние или дикие изображены на шишкинских писанинах? На этот вопрос помогут ответить будущие исследования петроглифов бассейна Лены.

Необходимо отметить широкое привлечение в книге этнографического материала, в ряде случаев дающего ключ к разгадке значения тех или иных сюжетов. «Историко-этнографичность» характерна и для собственно археологических разделов книги — это весьма положительно сказывается при реконструкции вопросов быта, материальной и духовной культуры древних населениях Прибайкалья, оставивших шишкинские памятники. Книга А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской — еще одно доказательство того, насколько неправилен выдвигающийся иногда тезис о «непознаваемости» идейно-смыслового содержания наскальных изображений. Методы комплексного исследования — сочетание данных археологического изучения памятников наскального искусства с данными этнографии — дает возможность разгадать многие сложные в смыслеловом отношении сюжеты и превратить наскальные изображения в чрезвычайно ценный исторический источник, как это и сделано с шишкинскими материалами.

Историческая ценность шишкинских памятников наскального искусства определяется и их широким диапазоном: рисунки отражают не только историю древних обитателей бассейна Лены, но и историю позднейших обитателей этого края — населения, вошедшего в состав двух современных крупных народов Сибири: якутов и бурятов.

В рамках нашей рецензии мы, разумеется, не смогли охватить все вопросы, поднимаемые в книге А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской, — круг этих вопросов весьма многообразен, и мы считали своей задачей остановиться лишь на основных. Несомненно, некоторые вопросы изложены в книге остро, в дискуссионном плане, но спорность ряда предложенных интерпретаций заставит искать новые пути в решении сложных проблем изучения наскального искусства.

Публикация ленских писанин еще раз побуждает поставить вопрос о создании новых сводных трудов, посвященных исследованию петроглифов СССР, и организации интенсивных поисков этих ценных исторических памятников. Будущее в исследовании петроглифов — это прежде всего сочетание археологических данных с материалами исторической этнографии. Только такой подход дает ключ к решению важных исторических проблем, связанных с изучением различных форм наскального искусства.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемая книга выпущена Ленинградским отделением Издательства Академии наук СССР на высоком полиграфическом уровне исполнения, ее характеризует большая культура издания.

А. Грач

⁵ Еще одна сцена, показывающая домашних верблюдов, была обнаружена на территории Южной Сибири (Сулейская писаница в Хакасии). Эти изображения датируются надписями VII—VIII вв. н. э., обнаруженными на той же скале. См.: С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1951, стр. 628—630, табл. LX.

Матеріали з антропології України, вып. I. Інститут місцевознавства, фольклору та етнографії, Київ, 1960, 102 стр., 20 табл.

Антропологическое изучение украинцев на протяжении длительного времени оставалось на уровне дореволюционной науки. При попытке использовать антропологические материалы по украинцам для сопоставления с другими народами приходилось прибегать к данным Ф. К. Волкова и его учеников. Не только тенденциозное освещение этих данных в работах «волковской» школы, но и сама их немногочисленность и выборочность делали их малопригодными для целей этногенетического исследования, что было отмечено еще Д. Н. Анучиным. Таким образом, второй по численности народ Советского Союза в антропологическом отношении оставался практически не изученным в соответствии с требованиями современной антропологической техники.

Рецензируемый сборник в значительной мере восполняет этот пробел. При этом содержание его шире, чем содержание предшествующих работ по антропологии Украины¹. Помимо результатов антропологического исследования украинского народа в нем представлены статьи общего характера о задачах изучения палеоантропологии Украины и антропологии ее современного населения и специальные публикации, основанные на разработке палеоантропологического материала разных эпох. Полезным дополнением к антропологическим статьям является краткое археологическое описание могильников, раскопанных на территории Украины после Великой Отечественной войны.

¹ См., например, Ф. К. Волков, Антропологические особенности украинского народа, Сб. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг., 1916.